

Валериан Маркаров Гении тоже люди... Леонардо да Винчи

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жил один необыкновенный человек — художник и изобретатель, архитектор и строитель, ученый-естествоиспытатель и философ, музыкант и мечтатель... Имя его знакомо каждому — Леонардо да Винчи. Это один из самых загадочных людей, чья гениальность проявлялась во многих сферах деятельности, став символом эпохи Возрождения. Его жизнь была полна побед и поражений, трагедий и любви. Он знал, что такое отчаяние и одиночество. И что такое — медные трубы всеобщего восхищения.

Создатель бесспорных шедевров, он внезапно охладевал к искусству, оставляя свои картины незаконченными. Его рисунки с одинаковым совершенством изображают как красоту человека и мира, так и уродливые, жестокие сцены бытия. Ему принадлежит множество самых разнообразных изобретений, далеко опередивших его время и сохраняющих свое значение в наши дни.

Загадочна личная жизнь этого человека, зашифровавшего свои чувства так же, как он

шифровал свои труды, записывая их «зеркальным письмом». У него были преданные ученики и непримиримые соперники, среди которых Микеланджело и Рафаэль. Он общался с простолюдинами и с сильными мира сего. Все они прошли перед внимательным и холодным взглядом Леонардо.

Его время осталось в его трудах, сам же он по-прежнему будоражит наше воображение не только тем, что оставил, но и тем, что унес с собой. Это интригующие тайны и загадки, плодотворные научные открытия, а также личная драма — все это буквально пронизывало жизнь Леонардо да Винчи.

Книга, которая переносит нас в Италию конца XV — начала XVI веков и погружает в драматичный период истории, читается как увлекательный роман, персонажи которого — римские папы и кардиналы, короли и военачальники, политики и художники, которых отделяют от нас более 500 долгих лет — предстают живыми людьми, испытывающими радость и печаль, взлеты и падения, любовь и предательство, наслаждение и боль.

В книге затронуты темы, которые могут задеть чувства определенной части читателей, а некоторые интерпретации исторических фактов являются спорными. Отчасти реальные, отчасти выдуманные, эти события из жизни великого Гения

Возрождения удачно переплетаются, являясь основой этого литературного произведения, и по-новому открывают читателю эпоху Ренессанса — одновременно трагичную и полную надежд на светлое будущее человечества.

Прочитав эту книгу, вы прикоснетесь к удивительной ИСТОРИИ ЖИЗНИ прекрасного человека. Жизни, наполненной талантом и жаждой знаний, многогранностью интересов и непреодолимой тягой к наукам и всему прекрасному. Жизни, ставшей легендой...

Приятного Вам чтения!

С уважением,

Валериан Маркаров.

Тбилиси.

14 августа 2017 года.

ГЛАВА 1

Ясным солнечным утром 3 марта 2019 года молодой профессор Флорентийского Университета Марко Тоскано, выходя за порог собственного дома в центре Флоренции, столкнулся лицом к лицу с районным почтальоном, ежедневно в полдень приносящим ему свежую прессу и корреспонденцию.

— Доброе утро, синьор Тоскано. Как Вы поживаете? — Слегка наклонив голову вправо

спросил почтальон, обнажив в простодушной улыбке передние, пожелтевшие от курения, зубы.

— Доброе-доброе, синьор Джерпонимо! Спасибо! И вы выглядите сегодня превосходно! — Вежливо ответил на приветствие Марко.

— Божьими молитвами, синьор Тоскано, дотяну до возраста своего дяди. Он дожил до 100 лет и, знаете ли, всё дело в грибах...

— Грибы продлевают жизнь? — Искренне удивился Марко, слегка подняв брови.

— Да нет! Он их просто никогда не ел! — Почтальон вновь обнажил зубы в кривой, но какой-то наивной улыбке.

— Шутник вы однако, синьор! — Марко сощурил глаза, посмотрев в глаза Джерпонимо. — У Вас с собой, как обычно, свежие новости! — и получил взамен увесистую кипу газет вместе с парой писем, пожелав почтальону хорошего дня:

— *A presto* — до скорого!

Оставив прессу у входа в дом, он аккуратно вложил письма в свой кожаный портфель, машинально посмотрел на небо и вновь вернулся в дом за зонтом и солнечными очками, а затем размеренным шагом направился на работу. До начала лекций оставалось около 40 минут, этого было более чем достаточно, чтобы прийти туда вовремя. Надо сказать, Марко отличался от истинных итальянцев — те считают

пунктуальность воровкой времени и не видят большого греха в опоздании. Он же был точен и аккуратен во всем, что его окружало. Это выразилось в его любви к чистоте и порядку, его тщательности и точности в делах, внешней опрятности и безукоризненности, исполнительности и исключительной организованности. В какой-то степени его можно было даже назвать педантом, но его умеренный педантизм не имел ничего общего с патологией, ведь, как известно, педанты не просто скучны, они невыносимы в своем пороке. При этом, характер он имел все-таки итальянский, живой, постоянно готовый к доброй шутке и широкой улыбке, обнажая при этом ровные ряды красивых, белых зубов и распространяя вокруг себя позитивное настроение и теплую ауру.

Здесь, в Италии, говорят, что «мартовские дожди приносят майские цветы», и это верно для средиземноморского и субтропического влажного климата, но во Флоренции в это время года уже стоят теплые дни. Марко любил посвящать свободную часть своего времени прогулкам по Флоренции. Несмотря на то, что он родился в этом городе и знал каждую его улочку, он, тем не менее, мог гулять по этому вечному городу бесконечно, каждый раз открывая его для себя заново.

Еще учась в выпускном классе школы, он стал подрабатывать экскурсоводом, став членом Ассоциации Гидов Флоренции и научившись уносить своих слушателей в другую эпоху. Уже в то далекое время своей юности он осознал, что профессия экскурсовода предъявляет очень высокие требования к качествам человека. Для нее необходим высокий уровень общих способностей — интеллект и знание материала, значительный объем памяти, хорошее внимание, концентрация, выносливость, работоспособность, уравновешенность, и, конечно, развитые коммуникативные умения. Сначала не все удавалось. Но вскоре Марко, по совету старшего коллеги Алессандро, стал работать над своей дикцией и артикуляцией, а также культурой речи, расширяя свои познания в области предмета экскурсии. Уже тогда он стал развивать свои аналитические способности, начал копаться в архивных материалах и расширять кругозор из различных источников информации. Практика научила его разбираться в людях и убедила его, что туристов не очень интересуют точные даты каких-то событий, зато их пробуждает живой, артистичный рассказ, особенно если он сопровождается пикантными подробностями из жизни известных личностей. Марко называл это «жареными фактами». Алессандро, будучи намного

более опытным в этом деле, и, как результат, сумевший сделать себе имя в индустрии туризма, как-то сказал ему:

— Марко, в дополнение к твоему родному итальянскому, ты еще и прекрасно владеешь английским языком, что важно в нашей деятельности. Я вижу в тебе интерес к этой работе и огромный потенциал для развития. Одним словом, толк из тебя выйдет. Ты только помни, что наша профессия относится к творческим видам труда. Мы и художники, и артисты, и шуты, поэты, педагоги и психологи, но не ремесленники, нет! Если твоя аудитория требует хлеба и зрелищ, пусть они их получают сполна, не стесняй себя в проявлении нашей истинной итальянской эмоциональности. Разбуди их и уведи от жизненной суеты, заставь отрешиться от житейских забот и проблем. А если понадобится, подари им красивую легенду, искусно завернутую в оболочку правды, и пусть она усладит им душу. Разожги огонь в их глазах. Вот тогда ты будешь востребован как специалист и в твоём кармане не переведутся деньги. Главное, люби свою профессию и никогда не переставай совершенствоваться!

Слова, сказанные Алессандро, Марко запомнил навсегда и руководствовался ими. Проводя экскурсии, он говорил, что Флоренция — это место, где можно прикоснуться к вечной

красоте. Действительно, здесь ее было в избытке! Ведь это, наверное, один из самых удивительных городов в мире. «Флоренция» в переводе означает «цветущая», и это название как нельзя лучше передает ее характер, поскольку в этом городе собран весь цвет западной культуры и искусства. Гигантский музей под открытым небом, где улицы, дворцы, музеи и площади украшены творениями великих мастеров. Прекрасно сохранившиеся памятники архитектуры, каждый из которых внимательно наблюдал за историей на протяжении веков, дворцы династии Медичи, сады Боболи, великолепие площади Синьории. Кафедральный Собор Санта-Мария дель Фьоре, Баптистерий с его золотыми дверями, изысканный фасад церкви Санта Мария Новелла и Санта Кроче, где нашли свой вечный покой такие выдающиеся люди своего времени как Микеланджело Буонаротти, Галилео Галилей, поэт Данте Алигьери, мыслитель Никколо Макиавелли, композиторы Джоаккино Россини и Михаил Огинский, и еще около трехсот знаменитых флорентийцев — деятелей культуры, науки и политиков. А вот и базилика Сан Лоренцо и усыпальница Медичи, холодный и неприступный Барджелло — в прошлом тюрьма, а теперь — музей скульптуры и прикладного искусства, Академия и «Давид» Микеланджело, Палатинская галерея и

Уффици, который считается одним из наиболее старых музеев в Европе.

Появилась Уффици в один из самых значительных моментов истории — в эпоху наивысшего расцвета Флорентийского Ренессанса по воле эрц-герцога Козимо I де Медичи. И была она создана, Марко подчеркивал это в своих лекциях, в городе, где когда-то был введен в употребление спорный тогда, исчезнувший на века термин «музей», поскольку античные греки этим словом обозначали место, посвященное Музам. И сегодня в Галерее Уффици находится ни с чем не сравнимое художественное достояние: тысячи живописных полотен от средневековых до современных, античные скульптуры, миниатюры, гобелены. А ее единственное в мире уникальное собрание автопортретов постоянно пополняется непрекращающимися покупками и дарениями современных художников. Здесь рождалась вечная музыка, писались божественные стихи и поэмы, создавались шедевры живописи. Леонардо да Винчи, Рафаэль, Бокаччо, Петрарка, Филиппо Брунеллески — эти и многие другие имена неразрывно связаны с Флоренцией, они наградили её изяществом, гармонией и вечным цветением.

И вот сейчас, по прошествии более двадцати лет с той поры, когда Марко только начинал свою экскурсионную деятельность, он вновь с

удовольствием организовывал «исторические прогулки», но уже не с туристическими группами, а для своих студентов. «Без прошлого нет будущего», — говорил он, помогая будущим искусствоведам окунуться в уникальную атмосферу этой колыбели эпохи Возрождения, перенося их посредством своих увлекательных рассказов в то далекое время, когда по улицам Флоренции ходил Микеланджело, когда на тех же улицах неистовый монах-доминиканец Савонарола проповедовал толпе и происходили междоусобные столкновения господствующих кланов, во время, когда с огромным успехом давал свои концерты Вольфганг Амадей Моцарт.

Марко мог гулять часами по городу, если только неожиданная гроза не вынуждала искать убежища в каком-нибудь из местных кафешек, где толпы туристов наслаждались различными видами салями, пекорино и обильно натертой морской солью и очень тонко нарезанной пармской ветчиной прошутто. Трапеза заканчивалась обычно нежнейшим маскарпоне с кофе эспрессо, к которому нередко добавляли ликер лимончелло.

Кофе — это в Италии почти что религия. И, заходя в кафе, Марко по обыкновению заказывал два эспрессо, один — для себя, а второй — *caffè sospeso*, или так называемый «подвешенный» кофе, предназначенный для того посетителя кафе,

который не может его себе лишний раз позволить. Марко знал, что иной раз в кафе заглядывает нищий и спрашивает, есть ли «подвешенный» кофе. Марко считал эту добрую традицию «подарком кофе миру», и действительно, подарить кофе нищему являлось для Марко не только жестом помощи, но и стилем жизни.

К тосканской кухне туристы питают особую слабость; она, и только она, заложила основы итальянской гастрономии. Правда, пиццу и пасту — самые знаменитые блюда итальянской кухни — изобрели не в Тоскане, но сама идея итальянской гастрономии, ориентированной на продукты местного производства и сезонность, появилась именно здесь, во Флоренции.

Проходя мимо ресторана Ла Спада, который так любят как туристы, так и сами жители Флоренции, Марко почувствовал, что ему захотелось есть. Сегодня он совершил свой обязательный ритуал, выпив чашечку своего утреннего капучино, больше у него во рту не было даже маковой росинки. Он иногда заглядывал в этот ресторан, заказывая таглиолини с лососем, каппеллети в бульоне, или их фирменное блюдо — *bistecca alla fiorentina*.

Здесь местными кулинарными умельцами толстый кусок деликатесной говядины с косточкой по-середине обжаривается на горячих углях так, что

снаружи он хрустит поджаренной корочкой, но обязательно сочный и с кровью внутри. Солить, перчить и поливать оливковым маслом мясо следует только после того, как оно равномерно поджарится со всех сторон. Марко любил наслаждаться этим вкуснейшим стейком, не опешляя его добавлением гарнира, и медленно запивал его маленькими глотками тосканского къянти из одноименной провинции, которая по праву считается лучшим винодельческим регионом Италии. Вина Къянти пользуются мировой славой, и практически все знаменитости и великие артисты прошлого тем или иным образом восхваляли достоинства местных вин, особенно их сухое красное вино из сорта Санджовезе. Таким образом, провинция Къянти была раем для гурманов, наслаждающихся здесь вкусом истинного тосканского вина и традиционных блюд тосканской кухни. На первый взгляд она кажется примитивной, но в этом и кроется ее секрет, что кухня Тосканы проста до... изысканности, и хитрит она своими вкусами с ловкостью старого тосканца. В самом простом, казалось бы, блюде найдется тысяча оттенков вкуса, а сплетение ароматов сведет с ума не одного ценителя тонких изысканных блюд. Но не только этим известна Къянти. Кому как не Марко было знать, что ее нежные пейзажи вдохновляли поэтов и художников разных времен.

Ведь знаменитый пейзаж за спиной таинственно улыбающейся Моны Лизы величайший Леонардо да Винчи писал по памяти именно с этих холмов Кьянти...

Марко, хмелея то ли от внезапно нахлынувшего чувства голода, то ли от свежего полуденного воздуха, в котором растворились еще холодные капельки реки Арно, несущей свои совершенно непредсказуемые воды от самих Аппенин, почувствовал, как сильно его потянуло за столик! Он как раз проходил мимо церкви Святой Маргариты дей Черки, той самой, которую еще называют церковью Данте Алигьери, поскольку именно здесь поэт встретил свою музу Беатриче, чьи останки также покоились в этой церкви. Безуспешные попытки обуздать голод не привели ни к чему, и вот уже ноги понесли его к ларьку с закусками, что находился рядом. Да, он бы сейчас не отказался даже от лампредотто, невзирая на то, что эту незатейливую булочку-бутерброд для простолюдинов, начиненную отваренным коровьим желудком, во Флоренции едят с 15 века!

Жадно откусывая от горячей булочки и второпях прожевывая немного неподатливое, тянущееся мясо, он не смог не отметить для себя, что очередь из желающих съесть этот флорентийский фаст-фуд была вовсе не меньше, чем очередь жаждущих заглянуть в церковь Данте.

Так что же первично, усмехнулся Марко себе под нос — сознание или материя? Извечный спор! В данную минуту, ускоренно поглощая лампредотто, эта дилемма для Марко однозначно разрешилась в пользу материалистов. Голова отказывалась думать, а душа — трудиться, пока в пустом желудке играл духовой оркестр, дирижируемый голодным сквозняком.

Марко ускорил шаг, он торопился на запланированную лекцию в Университете Флоренции, где он вот уже восьмой год в статусе профессора преподавал на факультете искусств, получив академическую степень доктора Истории Искусств в Оксфордском Университете после блистательной защиты диссертации по теме «Леонардо да Винчи и эпоха Возрождения».

Университет, в котором Марко преподавал, пользовался репутацией одного из крупнейших и старейших университетов Италии, основанном на заре 14 века, в котором сегодня обучается более 60 тысяч студентов. Профессор Тоскано с удовольствием отдавался работе, видя в глазах студентов, с интересом посещающих его лекции, жажду к новым познаниям. Согласно учебному плану Университета факультет искусств осуществлял подготовку бакалавров и магистров в стиле классического университетского образования в области теории и истории искусств и воспитания

творческих специалистов в сфере искусства. Студенты изучали курсы, позволяющие осмыслить творческий процесс как часть общей истории культуры и искусства и, во-вторых, усвоить особенности каждого вида искусства. В программу были также введены курсы Истории итальянского и зарубежного изобразительного искусства, Общей теории и философии искусства, Истории музеев Италии и крупнейших музеев мира. Позднее был введен курс, развивавший навыки оценки произведений искусств и готовивший студентов к экспертно-консультативной деятельности. Образовательная программа также предусматривала организацию творческих художественных мастерских и специальных мастер-классов крупных деятелей различных видов искусства, чтобы во всей полноте и широте знакомить студентов с лучшими достижениями итальянского и зарубежного искусства.

Студенты, обучающиеся здесь, как местные, так и иностранные, познав все великолепие наследия Флоренции, пробовали свои силы в изготовлении фресок и скульптур. Они с удовольствием посещали район ремесленников на Южном берегу реки Арно, наблюдая как изготавливается знаменитая флорентийская мозаика, затем их отводили в Капеллу Бранкаччи, где можно было увидеть первые примеры живописи

Ресессанса с фресками работы Мазаччо, Мазолино и Филиппино Липпи.

Марко видел, что такая живая организация учебного процесса позволяет превратить сухое чтение лекций в творческое общение студентов с разными художниками, скульпторами и другими деятелями искусства, дабы не замыкаться на творческой системе, вкусах и личных пристрастиях одного руководителя курса или мастерской.

Примерно через полтора месяца — 15 апреля — профессору Марко Тоскано исполнялось 40 лет, но несмотря на свой довольно молодой для профессора возраст, он по праву считался одним из ведущих представителей академического персонала Университета. Являясь постоянным членом Приемной Комиссии, он проводил собеседования с желающими поступить на факультет Искусств, делая акцент на том, что соискатель, помимо мотивации и неподдельного интереса к искусству, должен также обладать целостным видением мира и понимать закономерности и формы его отражения в искусстве.

Он был ярым приверженцев того мнения, что мотивация является главной движущей силой в поведении и деятельности человека, в том числе, и в процессе формирования будущего специалиста. Он, как и каждый преподаватель иногда задавался вопросом: «Почему некоторые студенты не учатся

или не хотят учиться?», понимая, что причин может быть много: студенты не всегда чувствуют себя психологически комфортно в группе, они разочарованы в выборе данной профессии, или им просто это не интересно. Известная всем мудрость гласит: «Можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить ее пить». Студент — уже не школьник, которому можно сказать «так надо», и он с этим согласится. Поэтому преподаватель должен обладать умением доказать студентам, что им нужны знания не ради самих знаний, а для того, чтобы стать хорошими специалистами.

Будучи опытным педагогом, в душе которого по-прежнему пылал энтузиазм, Марко понимал, что должен помочь каждому отдельно взятому студенту поверить в собственные силы. Сотрудничество, доверие, наставничество — вот ключевые слова для определения таких взаимоотношений! И видеть в студенте индивидуальность, уникальность, признавать самобытность личности — это и есть залог успеха преподавателя. Студенту необходимо открыть возможности практического применения знаний. И рассказы Марко из своего личного опыта часто захватывали студентов больше, чем кинофильмы. На его лекциях поощрялось высказывать свое мнение и участвовать в диспутах. Он предоставлял студентам максимальную свободу выбора, ориентируясь на личность студента,

предлагал различные индивидуальные задания, темы презентаций, докладов, виды творческих работ, давал возможность студентам самим разрабатывать друг для друга задания различной степени сложности.

Его философские высказывания, а он часто использовал их на своих лекциях, служили мощным мотиватором для студентов и пробуждали интерес к выбранной профессии для тех, кто был нацелен на успех в жизни, а их, к неопишуемому удовлетворению Марко, было подавляющее большинство. Он, например, говорил студентам, что если они сейчас уснут, то им, конечно, приснится их мечта. Если же они вместо сна выберут учебу, то они воплотят свою мечту в жизнь. И продолжал, говоря, что когда они думают, что уже слишком поздно что-то начинать, на самом деле, всё еще рано. И что жизнь — это не только учеба, так что если они не могут пройти даже через эту ее сравнительно короткую часть, то на что они, вообще, способны? А рассказывая о подписанных им контрактах на прочтение лекций в университетах разных стран, с порой более чем просто щедрыми гонорарами, он уже показывал на собственном примере, что их будущая зарплата будет прямо пропорциональна их уровню образования. Это было, наверное, самым впечатляющим убеждением для молодых умов!

— Поэтому, шутил он, — помните, что даже сейчас ваши враги и конкуренты жадно листают книги. И никогда не говорите о том, что у вас нет времени. Времени у вас ровно столько же, сколько его было у Леонардо да Винчи, Микеланджело, Томаса Джефферсона, Пастера и Альберта Эйнштейна.

Сегодняшняя лекция была посвящена тому периоду в истории человечества, которую впоследствии назвали Возрождением и гению той эпохи — Леонардо да Винчи.

— В «Жизнеописании наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари говорил о ста пятидесяти художниках. Небывалое цветение талантов и гениев, подобное тому, какое было в древней Греции. Нет ни одного из них, у кого бы не было своей особой индивидуальности и прелести. Легко можно было насчитать там порядка двадцати школ и дюжину величайших мастеров, таких как Джотто, Брунеллески, Донателло, Анжелико, Мантенья, Веронезе, Тициан и Тинторетто. Но над этой многоцветной толпой и сияющими корифеями возвышаются, словно полубоги, три сверхчеловеческих гения, которые излучают сверхъестественный свет. Ибо если другие заимствуют свой огонь из своей эпохи, то эти получают свой из непостижимых сфер и освещают его лучами самое отдаленное будущее.

Их имена — Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль.

Они не похожи друг на друга, они не продолжают друг друга и черпают из разных источников. Они были соперниками, а подчас — врагами. И все же эти утонченные одиночки, которые глядят друг на друга и оценивают друг друга издали, образуют единое и гармоничное целое. Ибо в них воплощена разумная душа Возрождения. В них выражаются его самые глубинные стремления, самые тайные помыслы. Все трое желали смешения эллинского и христианского идеала, и это было их горячей и отважной мечтой. Но они пытались достичь этого различными путями.

Если искусство в своей высшей мощи становится эстетическим и духовным посвящением, Леонардо будет тогда волхвом, который ведет нас вместе с двумя архангелами Возрождения, несущими людям пробужденную Красоту, Силу и Любовь. С каждым из этих трех проводников Ад, Земля и Рай меняют облик, и все же это будет та же самая Вселенная. Ибо великим гениям свойственно лицезреть богов, которых не видит толпа, и показывать нам метаморфозы Природы и человека под их влиянием.

Сколько бы столетий ни отделяло нас от жизни и деятельности гениальных людей, —

говорил Марко, — интерес к их личностям и творениям остается неизменным. Он продиктован желанием узнать как можно больше о том, как проявилось их могучее дарование, какие черты характера способствовали достижению ими столь значительных успехов в науке, технике, общественной мысли, литературе, искусстве и других областях человеческой деятельности.

Знакомство с жизнью и деятельностью гениев лишний раз убеждает в том, что единого рецепта гениальности не существует. Большинство великих людей считало, что своими открытиями и достижениями они обязаны прежде всего трудолюбию и прилежанию. Так, Томас Эдисон, наиболее плодовитый изобретатель XX века, совершивший более 1000 открытий, утверждал, что «секрет гения — это работа, настойчивость и здравый смысл», а «успех — это 10 % везения и 90 % потения».

— А правда ли, что Эдисон не ходил в школу? — прервал его один из студентов, наиболее внимательно слушавший профессора.

— Хорошо, — улыбнулся Марко, — раз уж вы задали такой вопрос, давайте сделаем небольшой экскурс в его биографию. Тем более, что это в какой-то мере соответствует теме сегодняшней лекции. Так вот, говорят, что однажды юный Томас Эдисон вернулся домой из школы и

передал маме запечатанный конверт с письмом от своего учителя. Мама, после некоторой паузы, зачитала сыну письмо вслух, со слезами на глазах: «Ваш сын — гений. Наша школа слишком мала, и здесь нет учителей, способных его чему-то научить. Пожалуйста, учите его сами.» А через много лет после смерти матери, а Эдисон к тому времени уже был одним из величайших изобретателей века, он однажды пересматривал старые семейные архивы и наткнулся на то самое письмо от учителя. Он открыл его и прочитал: «С сожалением вынуждены сообщить, что Ваш сын — умственно отсталый. Мы не можем больше учить его в школе вместе со всеми. Поэтому рекомендуем Вам учить его самостоятельно дома». Эдисон прорыдал несколько часов. А потом записал в свой дневник: «Томас Алва Эдисон был умственно отсталым ребенком. Благодаря своей героической Матери он стал одним из величайших гениев своего века.»

В аудитории повисла тишина и было слышно, как тикают настенные часы за спиной профессора. А Марко, спустя полминуты, продолжал:

— Был такой выдающийся российский физиолог Павлов, который уверял: «Ничего гениального, что мне приписывают, во мне нет. Гений — это высшая способность концентрировать внимание... Неотступно думать о предмете, уметь с этим ложиться и с ним же вставать! Только думай,

только думай все время — и все трудное станет легким. Всякий на моем месте, поступая так же, стал бы гениальным». Но если бы все было так просто — мир состоял бы из одних гениев. А их по-прежнему рождаются единицы в столетие.

Совершенно иной была точка зрения немецкого философа Иммануила Канта. Он считал, что гениальность — это дар, который не может быть благоприобретенным и потому не зависит от обучения, воспитания и прилежания. И действительно, об Архимеде и Ньютоне, Леонардо да Винчи и Микеланджело, Бахе и Моцарте можно с уверенностью сказать, что они родились гениями. Надо понимать, что главной отличительной особенностью гениальной личности во все времена была способность видеть глубже и дальше других, отбирать из огромного числа фактов и явлений самые важные, создавая на этой основе стройную систему мироздания. Недаром, когда один из учеников Конфуция назвал его многоученым, философ возразил: «Нет, я всего лишь связываю все воедино, не более того». Так, в результате творческого переосмысления гением существующего мира, рождается нечто новое и небывалое. Говоря об этом гигантском труде, итальянский мыслитель Никколо Макиавелли подчеркивал, что «нет ничего более трудного, чем браться за новое, ничего более рискованного, чем

направлять, или более неопределенного, чем возглавить создание нового порядка вещей».

Сосредоточиваясь на решении глобальных проблем, увлеченные творчеством, гении нередко живут в своем, особом, далеком от окружающих мире. Вот почему их биографии зачастую изобилуют фактами, свидетельствующими о присущих им в обыденной жизни непрактичности, рассеянности, исключительной чувствительности и невосприимчивости самых простых вещей. Отсюда так много легенд, окружающих каждую гениальную личность, и попытки психологов, начиная с XVII века, провести параллель между гениальностью и помешательством. Кстати, одним из аргументов, используемых ими, служили высказывания... самих гениев, в частности, слова Аристотеля о том, что «не было еще ни одного великого ума без примеси безумия». Современная психологическая наука убедительно опровергла такого рода теории. Но какими бы ни были результаты влияния гениальных личностей, все они так или иначе изменяли мир, в котором мы живем.

Леонардо да Винчи был из числа этих гигантов — гениев, которые пролагают дорогу в будущее для всего человечества. Он жил в то время, — продолжал Марко лекцию, — когда человечество знало об окружающем его мире до обидного мало. Несколько веков отделяло тот

период от развития туризма и мало кому тогда могло придти в голову путешествовать из одной лишь любознательности, ведь такие путешествия были крайне рискованным делом, а зачастую и смертельно опасным занятием в связи с отсутствием соответствующего транспорта, а также по причине того, что иноземца, в первую очередь для своей собственной же безопасности, следует сначала ликвидировать, а уже потом можно и поинтересоваться, кем он был и что он делал в чужих краях. Только купцы, будучи храбрецами и коммерсантами по натуре, в погоне за маячившей солидной выгодой отваживались на дальние странствия. Даже на серьезных географических картах тех времен часто можно было видеть надписи «Здесь живут люди с длинными ушами» или «Страна Обезьян». Некоторые же места на картах и вовсе были девственно пустыми — вплоть до 19 века! Америку только что открыли, но попасть туда в то время было вовсе не легче, чем в наши дни улететь на Луну. Но, несмотря на кажущуюся темноту, посреди загаженных площадей Европы, над узкими кривыми улочками, куда сливались нечистоты из окон жилищ, уже вздымались величественные соборы. Что касается наук, они только зарождались, и на ученого смотрели как на экзотическую диковинку. Любой стремившийся к познанию образованный человек

занимался всем сразу — от математики до алхимии, и от астрологии до специалиста по гаданию на хрустальном шаре.

Но в памяти человеческой остались не загаженные улочки и мракобесие того времени, а свершения: мозаики и великолепные статуи, картины и книги, диковинные механизмы и взрывающие мозг научные открытия. Леонардо да Винчи, будучи человеком универсальным, мог браться за множество дел, и все удавались ему настолько, что поражало умы современников. Он создал загадочную Джоконду, и другие не менее потрясающие картины, как инженер он создал военные машины, занимался гидротехникой, разрабатывал летательные аппараты, первым в мире разработал идею парашюта и вертолета.

— Может он был пришельцем из других миров? — Студент с задней парты прервал лекцию.

— Леонардо да Винчи, скорее, застрял в промежутке между веками из-за поломки машины времени, — вполне серьезно проговорила симпатичная студентка слева от Марко.

— Нет, — покачал головой Марко, — все эти многочисленные версии созданы теми, кто не в состоянии понять, на что способен человеческий ум, когда он принадлежит великому человеку, одержимому творчеством и идеей, и какой бешеной работоспособностью и энергией такие люди могут

загораться ради достижения своей вроде бы недостижимой цели! — глаза Марко пылали огнем, — пол-тысячи лет назад люди, хотя бы частично сравнимые с уровнем Леонардо, имели достаточно дерзости, чтобы всерьез познать секреты нашего необъятного мира. Они чувствовали в себе силы и это давало им смелости браться решительно за любое дело — от сотворения соборов и написания великих картин, до создания катапульты, танка, и водолазных костюмов. Перед их успехами и открытиями нам следует почтительно склонить голову, — закончил лекцию Марко, подкрепив свою пламенную убежденность Цицероновским красноречием.

Ближе к вечеру, вернувшись домой и поставив разогревать только что купленную пиццу в микроволновую печь, Марко сменил свой университетский костюм на свитер и джинсы, бережно поместив костюм в стенной шкаф. Тщательно помыв и высушив руки, он вышел на кухню. Печь пару минут назад уже просвистела готовность ужина и Марко налил себе бокал сухого красного вина Кьянти, сделав первый маленький глоток. Ах, этот божественный Кьянти, смаковал он! Ведь когда-то это было обыкновенное дешевое вино в соломенной корзинке, а сейчас оно стало просто феноменальным по популярности напитком, совершив революцию в производстве вин во всей

Италии. Именно благодаря этому вину из винограда сорта санджовезе — тосканского культа и гордости — в мире появился интерес и к другим итальянским винам. «Пусть все знают, что в Тоскане делают самые высококачественные вина», — это он произнес с пафосом истинного патриота, и, как ему слышалось, вслух.

Как обычно, по вечерам он включал телевизор, который, казалось, мог показывать только круглосуточный новостной телеканал итальянской государственной телерадиовещательной корпорации Rai News 24. Каждые 30 минут на канале — обзор последних новостей, за которыми следует далеко не всегда нужная и не всем полезная всячина, как обзор трафика на дорогах, погода, аналитика, специальные репортажи и тематические рубрики.

Вот и сейчас, например, сообщалось, что в сегодняшней Флоренции накопилось множество внутренних проблем, и некоторые из них, в частности, вопрос с потоками мигрантов, нахлынувших в Европу в поисках *dolce vita*, создавали головную боль правительству, являясь довольно трудно решаемыми. Сегодня днем, говорилось в репортаже, у здания префектуры произошли столкновения группы сомалийских беженцев со стражами порядка. Около 50-ти мигрантов требовали от местных властей разрешить

проблему с жильем, возникшую после того, как в минувший четверг сгорело здание бывшей фабрики, в котором они размещались. Тогда погиб один человек. Несколько участников протеста попытались проникнуть в префектуру, однако путь им преградила полиция.

Во второй части того же репортажа говорилось о том, что другая, более предприимчивая часть мигрантов из все той же нахлынувшей волны беженцев в регионе, пытаясь как-то наладить жизнь в чужой стране, стала создавать собственный малый бизнес. В основном, это были пункты продажи кебабов и шаурмы. К сожалению, выпускаемая ими продукция была крайне далека от гигиенических норм, что приводило к повторяющимся случаям отравления местного населения, как правило молодых людей и студенческой молодежи, а также туристов-зевак. Реакция властей не заставила себя ждать; город вводил жесткие меры санитарного контроля, закрывая одну торговую точку за другой. Власти также запретили владельцам ресторанов и кафе, расположенных в центре Флоренции и исторических кварталах, иметь в меню менее 70 % местных блюд. Местные власти справедливо считают, что в городе, который является мировым объектом исторического наследия, такие действия

непозволительны. Флоренция, по их мнению, должна сохранить традиции и свою кухню.

Телевизор работал, продолжая свою зомбирующую деятельность, но для Марко он зачастую просто создавал звуковой фон для другой активности. Он давно уже научился улавливать только нужную ему информацию, не подпуская к своим органам чувств всё лишнее, что засоряло мозг и отнимало драгоценное время.

Пиццу, которой он собирался сейчас поужинать, называлась то ли «Четыре сыра», то ли «Четыре сезона», Марко так и не научился разбираться в многообразных разновидностях пиццы. Хотя, разве это важно, если она выглядит так аппетитно? В ее начинке сочетались четыре традиционных вида сыра: Рикотта, Моцарелла, Горгонзола и Пармезан; и разделена она была на четыре сектора, каждый из которых означал одно время года. Весна: артишоки и оливки. Лето: цветной перец. Осень: сыр Моцарелла и спелые томаты. И Зима: отварные яйца и грибы.

Пицца была свежей, сочной и незаметно растаяла во рту. Удивившись тому, как быстро он с ней разделался, Марко стал по обыкновению работать над конспектами для завтрашних лекций, по расписанию их у него было несколько. «Надо бы пораньше уснуть сегодня», — сказал он самому себе. Закончив с бумагами, он пробежался глазами

по утренней прессе, и, наконец, вспомнил о письмах, что вручил ему сегодня почтальон. Первое было от Дэвида, старого друга — одноклассника, приглашавшего его в Рим на свою свадьбу. «И ты, Брут», — усмехнулся Марко, зная, что Дэвид сейчас назвал бы его «последним из Могикан», поскольку, по сведениям Марко, он сегодня был единственным из всего их класса, кто еще не обзавелся собственной семьей.

Он бережно вложил письмо обратно в конверт и взял второе. И оно вызвало у него неподдельный интерес. Приглашение на Конференцию в Лондон! И по тематике, которая занимала не только солидную, а скорее главнейшую, часть его научной деятельности, но и пробуждала в нем неугасаемый личный интерес к одной из несомненно самых загадочных личностей в истории человечества!

Итак, что же они пишут. Марко быстро пробежался глазами по листу бумаги сверху вниз. Закончив, он тут же начал читать сначала, словно заучивая тему.

*Кому: Д-ру Марко Тоскано,
Профессору Искусствоведения, Университет
Флоренции*

*Уважаемый господин Тоскано,
Международный Фонд Исторических
Исследований любезно приглашает Вас принять*

участие в Международной Научной Конференции по теме:

«Леонардо да Винчи и его Наследие».

Руководство Фонда было бы крайне признательно Вам, если бы Вы согласились выступить с Докладом в соответствие с темой Конференции.

Место проведения конференции: Музей Виктории и Альберта, Кромвель Роуд, Найтсбридж, Лондон, SW7 2RL, Соединенное Королевство

Дата проведения Конференции: 2 мая 2019 года.

Начало: 10:00.

Официальный язык конференции: английский.

Прием материалов (не позднее): до 15 апреля 2019 г.

Рассылка печатных сборников авторам: до 28 апреля 2019 г.

Все материалы конференции размещаются в электронном виде на вебсайте Фонда.

Размещение электронной версии сборника: до 22 апреля 2019 г.

Материалы Конференции будут разосланы в:

**Британскую библиотеку*

**Библиотеку университета Кембридж*

**Библиотеку Бодли, Оксфорд*

**Национальную библиотеку Шотландии, Эдинбург*

**Национальную библиотеку Уэльса*

**Библиотеку Тринити-колледж, Дублин.*

Участники Конференции обеспечиваются бесплатным трехразовым питанием. Кофе, чай и прохладительные напитки предлагаются в перерывах.

Иногородним участникам будет предоставлено бесплатное проживание в отеле Hilton London Metropole и трансфер из отеля до места проведения Конференции и обратно.

Просим Вас подтвердить Ваше участие в Конференции.

*С уважением,
Д-р Патрик Хорн, Директор
Международный Фонд Исторических
Исследований*

Прочитав письмо, Марко ощутил сильное эмоциональное волнение. Каждый раз, когда он слышал имя Великого Мастера, его охватывало подобное чувство. Но в этот раз оно было каким-то особенно сильным. Он почувствовал прилив крови к лицу и сухость во рту. Надо успокоиться и заснуть как можно скорее, — подгонял себя Марко в поисках спасения от досадного дискомфорта. Дойдя до кровати, он лег, накрывшись легким одеялом. Но его сознание было перевозбуждено и вместо спокойного сна он получил не только волнительное продолжение, но и бурное развитие

своих вечерних переживаний. Ему снилась... смерть. Смерть Леонардо да Винчи.

ГЛАВА 2

Ранним утром, 2 мая 1519 года, в замке Кло на Луаре, на расстоянии получасовой ходьбы от города Амбуаз во Франции, так далеко от родной Италии, будучи окруженным своими шедеврами, доживал свои последние часы живописец Его Величества короля Франции, флорентиец Леонардо да Винчи. Четыре года Великий Мастер жил под покровительством французского монарха Франциска I, успев доработать ряд своих старых изобретений и разработать новые, в том числе и проект идеального дворца в идеальном двухуровневом городе под названием Маленький Рим.

Королевский двор оказывал величайшее внимание великому итальянцу. Король Франции по достоинству оценил многогранность натуры Леонардо и просил художника лишь о возможности беседовать с ним и наслаждаться его обществом. Король и весь двор подражали ему во всем, и, чтобы понравиться Мастеру, даже стали употреблять итальянские слова и выражения в своих беседах. Именно во Франции Мастер забыл, что такое нужда, получив статус первого

художника, архитектора и инженера короля. Франциск I платил ему жалование в 700 экю каждый год, содержал штат его прислуги, оплачивал бытовые нужды и покупал работы художника.

Но на третьем году жизни во Франции 67-летний Леонардо слег, он с трудом передвигался без посторонней помощи. 23 апреля 1519 года, в субботу, когда маэстро уже почти не вставал с постели, был приглашен нотариус. Мастер сообщил ему свою последнюю волю, в которой писал:

«В благодарность за услуги и расположение, завещатель дарует мессеру Франческо Мельци все и каждую из книг, которые находятся в его, завещателя, собственности, и другие принадлежности и рисунки, относящиеся к его искусству и занятиям в качестве художника, а также научные приборы, машины, рукописи и остаток жалованья, который должен был получить из королевской казны. Слуге Баттисте Вилланису — домашнюю утварь в замке Кло, а виноградник за стенами Милана — бывшему ученику Салаи».

Он также не обделил в завещании своих братьев по отцу, причинивших ему много волнений длительной тяжбой из-за наследства отца сэра Пьеро да Винчи:

«Завещатель повелевает и хочет, чтобы сумма в 400 флоринов была отдана его кровным братьям в

знак совершенного примирения вместе с прибылью и доходами, которые могли прибавиться к означенным 400 флоринов за время хранения». Своей старой служанке, стряпухе Матурине, он отставлял «платье доброго черного сукна, подбитый мехом головной убор, тоже суконный, и два дуката деньгами — за многолетнюю верную службу». Что касается обряда похорон, Леонардо просил нотариуса похоронить его в часовне церкви в Амбуазе, назначив Франческо Мельци своим душеприказчиком.

В комнате уже давно незримо гостила Смерть, жаждя неотвратимого исхода и не отводя своего пристального взора от умирающего, который лежит сейчас беззащитным перед ликом вечности, а его левая рука подпирает голову, покрытую длинными седыми локонами, красиво обрамляющими его благородный лик. Утром, когда поднялось хмурое солнце и горизонт засветился кроваво-ярким заревом, началась агония. Стояла мертвая тишина, не считая грустного пения птиц за окном, и казалось, что сама природа скорбит по покидающему мир гению. Рядом с ложем Леонардо сидел самый преданный из его учеников, Франческо Мельци, держа парализованную правую руку Великого Мастера — глаза его были наполнены слезами, но чувство примирения с безысходностью отрезвляло его и придавало сил

для того, чтобы принять Смерть Гения во всём ее печальном величии.

Невдалеке сидели два монаха — францисканец и доминиканец. Приглашены они были для исполнения своих традиционных обязанностей, которые заключались в том, чтобы неотлучно находится у ложа умирающего с целью облегчить путешествие его души из этого мира в потусторонний. Устав от безделья и зевоты, они затеяли свой извечный спор:

— Не находишь ли ты здесь, брат мой, аналогии со смертью основателя нашего ордена, святого Франциска Ассизского? — Спросил он доминиканского монаха, наклонившись к его засаленному уху. — Помнится мне из Писания, что его преподобие был отпет певчими жаворонками еще до церковного отпевания. Вот и сейчас поют птицы, предчувствуя скорую кончину мастера.

— Брат мой, — прошипел доминиканец, нахмутив брови и наклонившись к собеседнику. — Хочу напомнить тебе, что странное поведение и вольные взгляды Леонардо входят в противоречие с Откровением и разъяснениями отцов церкви. Он пишет левой рукой, переворачивая вверх ногами все буквы, и справа налево как иудеи, что наилучшим способом скрывает его неверие и ересь. К тому же, его непомерная гордыня и любопытство уводят колеблющуюся душу на окольные тропы,

где она спотыкается и блуждает, тогда как путь ясно указан.

— Да уж, брат, — ответил ему францисканец, — ты прав как всегда. Недаром же ваши монахи называют себя псами господними и имеют эмблемой бегущую собаку, у которой в зубах факел, помогающий и в темноте распознать отступления от истинной веры. Но хотел бы напомнить тебе, что умирающий — не простой человек. Он — признанный Гений!

— Мы все равны перед Господом. Но могу отметить одно: родиться гением легко, умереть же гораздо сложнее.

Так они продолжали свою бесконечную полемику — один был более благосклонен к умирающему, другой же — рьяно призывал осудить и наказать вероотступничество. Тут на мгновение прекратилась судорожная агония, Леонардо сделал глубокий вдох и открыл глаза. Он поднялся и попытался сесть в постели, с трудом преодолевая свою беспомощность.

— Франческо, друг мой, — произнес он, — я хочу, чтобы ты знал — мне спокойно с тобой! Все подходит к своему концу, и не долог тот час, когда моя душа покинет тело и, невидимо для других людей, оставаясь на земле, станет посещать те места, где прошла моя земная жизнь. Я осознаю, что потеряю свое тело, оно больше никогда не

будет существовать. Моя душа начнет свои мытарства и скитания. Я должен дать себе, прежде всего себе самому, отчет обо всем, что происходило в моей жизни, даже о том, что я не замечал или не считал важным. Прожитая мною жизнь предстает передо мной и самые мелкие детали в ней укрупнены: невыполненные обязательства, обиды, незавершенные дела. Я многое не успел. Всё, что я сделал и забыл, или постарался забыть, всё, что я мог сделать, но не сделал — всё это сейчас перед моими глазами в самых неприглядных деталях. Нет уже голоса, нет слез, нет рук, чтобы закрыть лицо, нет ног, чтобы упасть на колени. Всё, что от меня осталось — это комок боли и стыда. И это состояние будет длиться вечно, потому что понятия времени уже для меня не существует. Мы отвечаем за все деяния в нашей жизни! Дальше ты пойдешь один, Франческо. А я останусь и буду ждать тебя. Помни, что только у истоков решаются судьбы рек и людей. И теперь, стоя на краю пропасти, я готов сделать следующий шаг. Я предвкушаю свое будущее путешествие. Тайный мир ждет меня. В этом я был лишь гостем, и принимаю в дар то, что явлено моим глазам. Жизнь — это тайна. Смерть — это тайна. Красота — это тайна. И любовь — это тайна. Я был приобщен к миру через тайну и ухожу легко, без страха, потому что меня любили. И я любил. Цени каждое мгновение своей жизни,

Франческо, и верь в то, что делает нас бессмертными — это любовь, которая движет нами и определяет нашу судьбу. Я жил ради любви, пел, музицировал, писал ради любви и вот сейчас я умираю ради любви.

Предчувствуя приход смерти, он попросил Франческо Мельци позвать священника. Все удалились, когда в комнату вошел священнослужитель со Святыми Дарами. Вскоре, выйдя от умирающего, он сообщил присутствующим, что Леонардо исполнил обряды Церкви со смирением и преданностью воле Божьей, исповедавшись и прося прощения у Бога и людей за то, что «не сделал для искусства всего, что мог бы сделать».

Доминиканец, уловив последнюю фразу, с удовлетворенной улыбкой на лоснящемся лице, кивнул головой — ни для кого не было секретом, что Леонардо при жизни не отличался набожностью и придерживался вовсе не монашеского образа жизни. Однако, он, этот строгий блюститель церковных канонов, особое внимание уделил тому, что Леонардо в своей исповеди все-таки не каялся в содеянных грехах, а вновь, как и всегда, говорил об искусстве.

— Что бы люди ни говорили о нем, сын мой, — провозгласил священник, обратившись как бы к Франческо, но уставившись на

доминиканского монаха, — он оправдается, по слову Господа: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Приняв причастие, Леонардо, взяв руку своего друга Франческо, прошептал последние слова: «Как хорошо проведенный день приносит счастливый сон, так плодотворно прожитая жизнь доставляет удовлетворение. Я чувствую себя как вода в реке. Меня уносит течение смерти...».

Ночью начались приступы удушья, и Мельци боялся, что он умрет на его руках. Сколь ужасно это равенство перед страшной смертью, поражающей Гения наравне с ничтожеством, когда стерта грань между драгоценной жизнью и бесполезной! К утру 24 апреля, на Светлое Христово Воскресенье, Мастеру стало легче. Но, так как он все еще задыхался, а в комнате было жарко, Франческо открыл окно.

В голубом небе летали белые голуби, и с шелестом их крыльев сливался звон пасхальных колоколов. Умиравший уже не видел и не слышал ничего. Ему грезились каменные глыбы, которые, падая, хотели задавить его; он хочет приподняться, сбросить их, но не может — и казалось, борьба эта не имеет конца. И вдруг, с последним усилием, он освобождается и летит на исполинских крыльях вверх — впервые в своей жизни ощущая на себе это удивительное чувство бесконечного полета вверх.

Ему казалось, что сейчас он испытывает наивысшее наслаждение от воплощения самой главной своей мечты, мечты всей его жизни! Сердце Леонардо билось еще несколько дней, хотя он не приходил в себя.

Наконец, утром 2 мая, Франческо заметил, что грудь его больше не поднимается от каждого вдоха, а дыхание его слабеет. В нем еще тлела жизнь, но она догорала на глазах как тонкая свеча. Монах стал читать отходную молитву. Через некоторое время ученик, приложив руку к сердцу учителя, почувствовал, что оно уже не бьется. Смерть не делает различий ни для кого! Душа Мастера отлетела, словно показывая пример немощному телу, которое всю свою жизнь безуспешно пыталось научиться летать.

Франческо, с обильными слезами, закрыл ему глаза, затем бросился к кухарке Матурине со словами:

«Это Салаи... Салаи погубил его!». Та, утешая, похлопала его по спине, приложив руку к заплаканному своему лицу. Лицо умершего не изменилось, храня на себе выражение, которое часто бывало при жизни — глубокого и тихого внимания.

В это время за красным бархатным занавесом его комнаты засияло ранее майское солнце. Свет и тепло заливали зелёные поляны и свежую листву

платанов парка, пели птицы и цвели цветы, — он так и не смог разгадать тайны той необъяснимой радости, которую они дарят людям. Дубовые доски пола его спальни казались сейчас золотыми от солнца, и из окна было видно, как весело развеваются в небе узкие флажки над башнями замка. Радостная волна вечного обновления разливалась по земле, и была высшая несправедливость в этом финале великой драмы его жизни, который разыгрывался на постели, так похожей сейчас на маленькую сцену.

В это время, снизу, из мастерской, где проводил свои дни Леонардо, прикормленный им крошками воробушек влетел в комнату, где лежал покойник. Покружившись над ним, среди погребальных свечей, горевших мутным пламенем в становившемся мощным сиянии солнечного утра, серая птичка опустилась по старой привычке на сложенные руки Леонардо. Потом вдруг встрепенулась, взвилась, взлетела до потолка и через открытое окно улетела в небо, с веселым чириканьем. И Франческо подумал, что в последний раз учитель сделал то, что так любил — отпустил на волю крылатую пленницу. Он вдруг вспомнил сказку, которую как-то рассказывал ему маэстро Леонардо. Сказку о завещании Орла.

Старый орел, что давно потерял счет годам, жил в гордом одиночестве среди неприступных скал. Но силы ему стали изменять, и он почувствовал, что конец его близок. Мощным призывным клекотом орел созвал своих сыновей, живших на склонах соседних гор. Когда все были в сборе, он оглядел каждого и молвил:

— Все вы вскормлены, возвращены мной и с малых лет приучены смело смотреть солнцу в глаза. Вот отчего вы по праву летаете выше всех остальных птиц. И горе тому, кто посмеет приблизиться к вашему гнезду! Все живое трепещет перед вами. Но будьте великодушны и не чините зла слабым и беззащитным. Не забывайте старую добрую истину: бояться себя заставишь, а уважать не принудишь.

Молодые орлы с почтением внимали речам родителя.

— Дни мои сочтены, — продолжал тот. — Но в гнезде я не хочу умирать. Нет! В последний раз устремлюсь в заоблачную высь, куда смогут поднять меня крылья. Я полечу навстречу солнцу, чтобы в его лучах сжечь старые перья, и тотчас рухну в морскую пучину...

При этих словах воцарилась такая тишина, что даже горное эхо не осмелилось ее нарушить.

— Но знайте! — сказал отец сыновьям напоследок. — В этот самый миг должно свершиться чудо: из воды я вновь выйду молодым и сильным, чтобы прожить новую жизнь. И вас ждет та же участь. Таков наш орлиный жребий!

И вот, расправив крылья, старый орел поднялся в свой последний полет. Гордый и величавый, он сделал прощальный круг над скалой, где взрастил многочисленное потомство и прожил долгие годы.

Храня глубокое молчание, его сыновья наблюдали, как орел смело устремился навстречу солнцу...

Навстречу солнцу! — эхом отозвалось в голове у Франческо, и в этот момент он услышал лошадиное ржание и топот копыт — это король Франциск и рыцари из его свиты поспешно погоняли коней, надеясь застать в живых умирающего. Всадники приблизились к замку, когда солнце было в самом зените. Увы, их старание не опоздать было тщетным. Переступив порог, король более не сдерживал слез. Стуча высокими каблуками, он быстро подошел к постели, опустился на колено, приподнял голову покойного, которого он почитал как родного отца, и, убедившись в его кончине, припал к мертвой руке, а тело его сотрясилось от рыдания.

В присутствии Его Величества короля Франции монахи наконец-то прекратили обсуждение своих вечных вопросов, неуместных возле покойника, найдя сейчас занятие поинтереснее; они внимательно наблюдали за плачущим над телом Леонардо королем. Видимо, только смерть могла положить конец их вечной полемике об истине.

Верная служанка Матурина и ее помощница, приглашенная Франческо из близлежащей деревеньки по причине ее опытности в этих вопросах, стали обмывать тело, причем вторая не скрывала своего удивления гладкой кожей и хорошо развитым мышцам старца, хотя его худоба и тощие конечности долгое время оставались обездвижены из-за паралича. Поистине, какой же жестокой может быть смерть, которая, ликуя, сейчас демонстрировала свое доминирующее верховенство над жизнью!

Согласно последней воле Мастера, его тело пролежало еще три дня в той же комнате, где он проиграл свою последнюю битву с природой. Франческо Мельци сделал все, чтобы организовать такие похороны, чтобы ни у кого не возникло сомнения в том, что Леонардо умер как верный прихожанин католической церкви, хотя народная молва продолжала обсуждать жизнь и

последовавшую за ней смерть Мастера так же, как два монаха возле покойного.

Тело Леонардо обрело вечный покой в монастыре Сен-Флорентен. На кладбище за его телом шли, неся шестьдесят свечей, шестьдесят нищих, которым он завещал милостыню, в четырех церквах Амбуаза отслужили три большие и тридцать малых обеден, семьдесят туренских су были розданы бедным при городской больнице Сен-Лазар. На его могильном камне была сделана надпись: «В стенах этого монастыря покоится прах Леонардо из Винчи, величайшего художника, инженера и зодчего Французского королевства».

Спустя месяц, немного оправившись от отчаяния, Франческо Мельци писал во Флоренцию, сообщая о смерти учителя его братьям по отцу:

«Сер Джулиано и братьям, с почтением. Я полагаю, вы получили известие о смерти мессера Леонардо да Винчи, вашего брата. Горя, причиненного мне смертью того, кто был для меня больше, чем отец, выразить я не могу. Но, пока жив, буду скорбеть о нем, потому что он любил меня великой и нежной любовью. Да и всякий, полагаю, должен скорбеть об утрате такого человека, ибо другого подобного природа не может создать. Ныне, всемогущий Боже, даруй ему вечный покой».

Мельци долго пребывал в состоянии горя, едва не убившего его. Он стал владельцем большого количества количества томов рисунков и записей учителя. Он взял их домой, в Милан, и бережно хранил как священные реликвии. Мельци старался из этого бесчисленного и неупорядоченного собрания бумаг составить хотя бы одну книгу — «Трактат о живописи», — над которым Леонардо работал последние двадцать пять лет своей жизни и который так и не закончил. К сожалению для будущих поколений, Мельци не оставил воспоминаний о Леонардо, и не сделал никаких комментариев к его трудам, хотя они надежно хранились в его руках полвека. Умирая, он завещал их своему приемному сыну Орацио, будучи убежденным, что тот будет обращаться с ними так же бережно.

Увы, спустя некоторое время Орацио распорядился поднять на чердак старые рукописи, «принадлежащие некоему Леонардо, умершему пятьдесят лет назад». Это и было началом безжалостного расточительства наследия Леонардо. Часть их была раскрадена, другую часть Орацио отдал скульптору Помпео Леони, который обещал передать манускрипты королю Испании, а многое просто не сохранилось, будучи уничтоженным за ненужностью или непониманием их значимости по причине полнейшего невежества вандалов, через

чьи руки по какому-то злому умыслу прошли рукописи Гения. Ведь невежество — это упрямый отказ от познания. Невежество ненавидит всё, что недоступно для понимания. И оно напрочь отрицает всё, что требует напряжения, усилия мысли или изменения точки зрения.

Несмотря на такие варварские растраты, до наших дней дошло несколько тысяч рукописных страниц Леонардо. Четырнадцать рукописей попали в Амброзианскую библиотеку в Милане, тринадцать по приказу Наполеона Бонапарта были увезены во Францию — в их числе «Атлантический кодекс», позднее вернувшийся в Милан. Многие другие рукописи из собрания после злоключений и блужданий по свету нашли убежище в Виндзорской королевской библиотеке, Британском музее, Библиотеке наук и искусств Восточного Кингстона, библиотеке Холкан холл лорда Лестера. Самая объемистая — «Атлантический кодекс» — состоит из 1222 переплетенных вместе страниц, перемешанных без всякой системы, под влиянием минутных увлечений, и в соответствии с настроением их автора. На одних и тех же страницах можно увидеть математические вычисления, различные эскизы, геометрические задачи, хозяйственные счета, изображение дыхательной системы человека, морские приливы и отливы, представления о работе глаза, об испарении